

Русские журналы

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Бограда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

В нашей журналистике с началом нынешнего года произошло столько перемен, что 1839 год должен составить эпоху в ее летописях. Явились два новые журнала;¹ некоторые старые изменились². К последней новости относятся и беспрестанные обзоры своих собратий³. Мы первые довольно уже начитались разных отзывов и суждений о самих себе, мы, которые ни о ком не судили. Думаем, что правила приличия и вежливости требуют, чтобы мы за внимание заплатили вниманием и не остались в долгу, особенно у почтенного и маститого "Сына отечества", который так скромно и так любезно приветствовал нас своим немного дрожащим от старости и от небольшой досады (вследствие старости же) голосом...⁴ "Галатея" -- дама и красавица⁵ -- от нее мы отделаемся несколькими комплиментами и любезностями; а "Сыну отечества"... Но начнем по порядку и не забудем и прочих журналов. С кого же начать? -- Мы не будем долго думать и начнем -- с "Современника", потому что ни один журнал не читаем мы с таким удовольствием, ни один журнал так высоко не ценим, как "Современник". Читатели "Наблюдателя" еще с прошлого года находили в нем постоянно самые подробные отчеты о каждой книжке "Современника". Но эти отчеты доселе помещались в "Литературной хронике", где не должны иметь место повременные издания; но теперь мы решились почаще заглядывать в область журналистики, и обзоры "Современника" будут уже в этом отделении, которое, не составляя особого отделения журнала, будет как бы заключением "Литературной хроники".

"Современник" всегда богат хорошими оригинальными статьями -- обстоятельство, которое дает этому журналу высокую цену. Первая книжка за нынешний год, составляющая *тринадцатый* том издания, особенно богата хорошими оригинальными статьями. Пересмотрим их по порядку. Первая -- "Знакомство с Рунебергом" г. Я. Грота содержит любопытные подробности об одном из знаменитых современных поэтов и литераторов шведских -- Рунеберге и о шведской литературе. Статья эта -- отрывок из путешествия по Финляндии, отрывок, возбуждающий живейшее желание прочесть путешествие, изданное вполне. Пропуская "Разбор новых книг", переходим к статье "Отрывки из истории партизанов Пиренейского полуострова" г. Н. Неведомского, к статье превосходной и по содержанию и по изложению, давно возбуждившей в нас живое внимание и еще живейшее желание прочесть в целом сочинение, из которого она отрывок⁶. "Сын отечества" называет эту статью "набором слов, где есть все -- и Андалузия, и Алгамбра, и инквизиция, и мавры, и Гвадалquivир, и романсы, только нет того, что обещает заглавие статьи"⁷. Чтобы показать нашим читателям, как верен вкус у редактора "Сына отечества", выписываем из статьи первую попавшуюся нам на глаза страницу:

При первом известии об отречении Фердинанда VII, Испания вспыхнула, как страсти на Востоке, чуждые постепенности и границ, -- и совершила восстание так единодушно и одновременно, как при звуке тревоги европейские войска вскакивают с бивака. Это сравнение тем вернее, что испанцы взялись за оружие, не спрашивая, достанет ли у них силы для нападения или для обороны? как в европейском войске напрасно искать того, кто первый по звуку тревоги стал на свое место, так в испанских деревнях напрасно искать того, кто первый вскричал: "Да здравствует Фердинанд VII! смерть французам!" Выражение: "Испания восстала как один человек" останется классическим в истории -- но будет не полно: ибо Испания восстала, как один человек, мучимый тем лихорадочным нетерпением, при котором время стоит, а думы жгут. Положение народа спокойное, но грозное, не терпящее ни отлагательства, ни противоречия, уняло с первых дней восстания происки людей, хотевших остановить восстание из страха, из личных выгод или в надежде лучшего управления при новой династии. "Мы осраим себя, если признаем королем Иосифа", -- твердили испанцы, полные народной гордости. Вскормленные матерями, не допускаящими их к груди без крестного знамения, кропившими их пеленки святою водою, испанцы говорили: "Еще при Дон Пелагио мадона припяла Испанию под свое покровительство: и мы оставим без